

А Цюю усмехнулся и, без особой искренности, сделал небольшую уступку, поправив себя:

— Скоро будет готова?

Цюю Цююаньцюань: «...»

В конце концов, под «дружелюбной» улыбкой главы павильона Жуань, Цюю Цююаньцюань сдалась, скрепя сердце кивнула и закопала обиду поглубже: сейчас же, сию секунду приготовлю всё для этих двух прародителей!

...

Кухня, священное место.

Фань Мин, полный раскаяния, настойчиво предлагал помочь. Цюю Цююаньцюань, уже уставшая от его церемонностей (да и подраться уже успели), не стала больше изображать из себя воспитанную барышню и величать его «господином Фань». Столкнувшись с его добрыми намерениями, она не только без церемоний отобрала у него тесак, но и пару раз резко одёрнула, когда он пытался самовольно что-то сделать.

После нескольких таких попыток Фань Мин отступил, но уходить не стал, а просто молча встал в сторонке, готовый в любой момент выполнить поручение.

Неловкое молчание, нарушаемое лишь шкворчанием жарящегося мяса, длилось ровно столько, сколько нужно, чтобы приготовить одну сковородку. Наконец Цюю Цююаньцюань перевела дух и, вспомнив о своём положении живущей на птичьих правах, решила, что в такой ситуации лучше заполучить ещё одного друга, чем нажать врага. Ради общего блага она отбросила высокомерие и, чтобы разрядить обстановку, задала Фань Мину безобидный вопрос:

— Кстати, почему ты называешь хозяина дядей? Твой отец обращается к нему как к брату, и, судя по всему, твой отец старше. По старшинству тебе полагалось бы называть его дядей.

Фань Мин с горькой усмешкой задумался на мгновение, а затем честно ответил:

— Когда я впервые разыскал дядю Жуань, я почти ничего не знал о прошлом наших семей. А дядя Жуань из-за всех пережитых за эти годы тягот поседел и выглядел старше своих лет, поэтому при встрече я по ошибке назвал его дядей. А потом... так и не нашёл подходящего случая, чтобы поправиться.

Виновником всех этих страданий была его собственная семья, Фань.

Цюю Цююаньцюань: «...»

Один вид этого скорбного лица Фань Мина вызывал у неё тоску. Ей даже начало казаться, что ещё не поданные блюда невинно заразились этой тоской и потеряли вкус. Ей захотелось поскорее от него избавиться. Благодаря врождённой тактичности и вежливости она сдержала порыв сказать прямо: «Из-за тебя даже еда становится невкусной», и мягко предложила:

— Может, ты просто посыплешь готовые блюда зеленью для красоты и подашь? Они уже заждались.

Фань Мин вежливо кивнул и послушно принялся за дело.

Когда он вынес последнее блюдо — суп, — Цюю Цююаньцюань с облегчением швырнула

фартук и, напевая, принялась наводить порядок у очага. Одна мысль о том, что придётся сидеть с кем-то за одним столом, заставляла её кожу покрываться мурашками, и ей срочно требовалось ненадолго сбежать от реальности, погрузившись в уборку.

...

Однако счастливые минуты одиночества всегда мимолётны. С чем рано или поздно придётся столкнуться, от того не убежишь.

Из-за возни у очага Цюй Цзюаньцзюань припозднилась и оказалась последней, кто переступил порог столовой.

Едва она перешагнула через порог левой ногой, как на неё упал взгляд, отчётливый и резкий, как подведённые тушью глаза. Она вздрогнула от неожиданности, отдернула ногу и застыла у входа, вытянувшись в струнку.

Словно она ненароком стала свидетельницей того, как глава павильона Жуань кого-то убил или поджёг, и теперь её ждала незамедлительная расправа.

Однако глава Жуань не убивал и не поджигал. Все сидели на своих местах целые и невредимые. Просто никто не притрагивался к палочкам.

Цюй Цзюаньцзюань: «?»

Она прекрасно отдавала себе отчёт, что эти важные господа уж точно не ждали, пока сядет такая мелкая сошка, как она. Если они не едят, значит, что-то не так.

Что же не так?

Да что ещё могло быть?

Не успела она как следует поразмыслить, как её большие блестящие глаза уже нашли ответ.

Цюй Цзюаньцзюань: «...»

Почему эта еда... такая зелёная?

Почему она вся, вся до единого блюда, зелёная?!

Цюй Цзюаньцзюань бросилась к круглому столу и, разглядев, чем именно покрыты яства, почувствовала, как сердце её упало, а лицо позеленело.

Кинза.

Горы кинзы.

В душе она закричала: Фань Мин, ты меня погубил!

Если говорить об этом столе, утопающем в зелени, то винить Цюй Цзюаньцзюань было не в чем.

Четверть часа назад, закончив готовить и собираясь прибраться на кухне, она заметила, что нарезанный зелёный лук на разделочной доске остался нетронутым. Она мысленно корила Фань Мина за нерадивость: ведь она же прямо сказала ему «посыпь готовые блюда и суп

нарезанным зелёным луком, для вида», а он осмелился поленился и не посыпал!

Пускай она, Цюй Цзюаньцзюань, и не была шеф-поваром, но любила красоту, и в готовке тоже ценила, чтобы блюда радовали и цветом, и вкусом, и ароматом, ставя внешний вид на первое место. Теперь, без зелёного лука для украшения, блюда казались незавершёнными, что её искренне огорчало.

Кто бы мог подумать тогда, что лучше бы Фань Мин и вправду поленился и не помогал. Ибо, взявшись помогать, он совершил поистине грандиозный подвиг.

Неизвестно, у какого безответственного и любителя острых ощущений повара он перенял свои навыки, но он не только щедро засыпал всё подряд луком и чесноком, но и использовал кинзу вместо зелёного лука.

Все тщательно приготовленные деликатесы были безжалостно погребены под завалами кинзы. Ни одно блюдо не избежало этой участи.

Цюй Цзюаньцзюань почувствовала, что её последний час пробил.

Если бы еда получилась просто невкусной, ей бы максимум поставили в вину недостаток мастерства и неспособность справиться с задачей.

Но этот стол, щедро украшенный густой изумрудной зеленью, — разве это не явная попытка досадить всем?

Что сделано, то сделано. Цюй Цзюаньцзюань могла лишь в душе молиться всем богам, чтобы Будда ниспослал главе павильона Жуань способность оценить уникальный аромат кинзы.

Увы, реальность наградила её звонкой пощёчиной. Глава Жуань, взирая на стол, полный агрессивной зелени, дёрнул уголком губы, и выражение его лица стало необычайно красноречивым.

И это ещё было вежливо. Сидевший рядом Ши Вэнь прямо-таки скривился, его лицо выражало крайнее нежелание.

Цюй Цзюаньцзюань: «...»

Успею ли я сейчас заявить, что это всё Фань Мин нарочно устроил?

Фань Мин, ничего не ведающий о нависшей над ним опасности, по-прежнему вежливо обратился к ней:

— Почему вы не садитесь, госпожа Цзюаньцзюань? То, что мы так быстро сели за стол, — целиком ваша заслуга.

Цюй Цзюаньцзюань не знала, плакать или смеяться:

— Что вы, господин Фань, вы ведь тоже здорово помогли.

Нет, этот «последний ужин» — целиком твоя заслуга.

Фань Мин не уловил сарказма в её тоне и вежливо ответил:

— Вы слишком скромны. Я лишь немного помог, посыпав зеленью. Кажется, я переборщил? — Его невеста, Чжу Линь, как-то сказала, что больше всего на свете любит именно этот «зелёный лук», и он, вспомнив о ней, не смог удержаться.

Едва он произнёс эти слова, три пары глаз устремились на него, словно говоря: _Так это ты!_

Невольное признание Фань Мина нечаянно спасло Цюй Цзюаньцзюань от кризиса. Она поспешно уселась на место и тут же поспешила отмежеваться от кинзы:

— Господин Фань, то, чем вы посыпали, — это кинза. Она всё же отличается от зелёного лука.

Я просила посыпать зелёным луком, луком, луком!

Фань Мин опешил, на мгновение погрузился в воспоминания и наконец склонил голову в извинении:

— Я не отличаюсь талантами. Когда-то готовил для одной знакомой и тогда тоже... перепутал. Приношу глубочайшие извинения.

Тогда он ошибся, но Чжу Линь всё равно съела, смеясь, и сказала, что больше всего любит, когда он кладёт побольше этого «зелёного лука», даже больше, чем самые изысканные яства.

Глава Жуань, видимо, и вправду был страшно голоден. Он не стал ни ругаться, ни брезговать, а, напротив, первым взял палочки и начал есть.

Этот ужин был обречён стать необычным.

За столом собрались: нынешний глава Павильона Ушоу и его личный телохранитель, двое убийц из Павильона Радужных Одежд, посланных убить этого самого главу, господин из семьи Жуань, у которого Павильон Ушоу отнял сына, и потомок семьи Фань, предавший Жуань.

За одним столом собралась целая компания нечисти.

У Цюй Цзюаньцзюань не было аппетита, не было даже сил поднять палочки для вида.

Кто, узнав подлинные личности всех присутствующих, ещё сможет есть?

Но кто-то смог.

Цюй Цзюаньцзюань: «???»

Э-э?

А где еда?

Пока она предавалась раздумьям и терзаниям, блюда, кое-как составившие более-менее сбалансированную трапезу, уже были сметены с лица стола.

Цюй Цзюаньцзюань недоумевала: кто так ест? Кто так смеет?

А Цзю: «?»

Цюй Цзюаньцзюань: «...»

Глава Павильона Ушоу?!

Ладно... кушайте на здоровье, сколько влезет.

Только вот люди за этим столом почему-то совсем не походили на тех, кем она их представляла.

Когда-то она сбежала из Павильона Ушоу с помощью Тан Шаотана. Увы, ей удалось избежать людской угрозы, но не нашествия насекомых.

Массив ядовитых насекомых за пределами горы, скрывавший небо и солнце, буквально загнал её обратно в Павильон Ушоу. Она до сих пор ясно помнила ту картину: сотни насекомых сбились в гигантский вихрь, а в центре этого вихря стояла бледная человеческая фигура, склонив голову набок и разглядывая её.

Не моргая. Это было невероятно пугающе.

В ушах стояло жужжание крыльев, перед глазами потемнело, и сознание её покинуло.

Очнулась она в тёмном подземелье. Кто-то с зажжённой свечой спускался по ступеням. Чёрные одежды были торжественно-мрачными, половина фигуры скрывалась в тени, появляясь и исчезая в мерцающем свете свечи, смутной и неясной.

<http://bllate.org/book/16258/1462827>